

Stanovská, Milena

[**Běličová, Helena. Sémantická struktura věty a kategorie pádu**]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1984, vol. 33, iss. A32, pp. 115-116

ISSN 0068-2705

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100935>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Helena Běličová: Sémantická struktura věty a kategorie pádu. Academia, Praha 1982.

Монография пражской лингвистки Гелены Беличовой „Семантическая структура предложения и категория падежа“ представляет собой принципиальный теоретический вклад в сравнительное исследование синтаксиса чешского и русского предложения. Этот труд был разработан как частичная тема в рамках коллективной задачи „Большая грамматика современного литературного русского языка в сопоставлении с чешским“, подготавливаемой в Кабинете иностранных языков Чехословацкой академии наук.

В отличие от работ, понимающих семантическую структуру предложения как „глубинную“ структуру в форме логико-семантических содержаний и план языковых значений, связанных со средствами выражения, она посвящена прежде всего анализу внутренней формы предложения как языковой структуризации логико-семантических содержаний. Под названием „семантическая структура предложения“ автор понимает прежде всего выраженные в предложении субъекто-объектные отношения. Учитывается центральная роль предиката как носителя определенного лексического значения (а не как носителя категории модальности и времени), который на основе своей семантики определяет выбор актантов, участвующих вместе с ним в формировании семантической структуры предложения.

Монография стремится дать ответ на вопрос, в какой мере участвуют в русском и чешском языках в семантическом строении предложения падежные формы существительных. Автор соблюдает специфичность падежа как морфологической категории, которой свойствен определенный диапазон функций и на значения которой в предложении сказывается, наряду с лексико-категориальным характером существительного, также лексико-категориальный характер предиката. Объясняется, что глагол своими морфологическими категориями обычно не принимает участия в оформлении семантической структуры языка. Эта действительность указывает на то, что центр тяжести выражения отношений между предикатом и актантами заключается в существительных. Для этого предназначены именно категории падежа, которая компенсируется лексическими средствами — предлогами. Категориальные значения предлогов в сочетании с падежами дают так возможность отражать отношения актантов и предиката гораздо отчетливее.

Анализируются значения простых и предложных падежей в позиции максимальной дифференциации их значений, в позиции их максимального контраста, т. е. в позиции, в которой падежи вступают в синтагматические отношения, и эти значения соотносятся со значениями в позиции минимальной дифференциации, в которой их значения не контрастируют со значениями других форм и семантическая специфичность актанта вытекает уже из его позиции при предикате того или другого семантического класса. Устанавливаются следующие дистриктивные признаки, свойственные падежам в рамках парадигматических связей, мотивирующих поведение падежей на синтагматическом уровне: 1. активное/неактивное участие в действительности предикативного признака, 2. интенциональная связь с предикативным признаком, 3. сфера действия эффекта, вытекающего из действительности предикативного признака, 4. неполнота контакта с предикативным признаком. (Например: простой дательный падеж характеризуется как падеж, выражающий неактивное участие актанта в действительности предикативного признака, а именно актанта, к которому относится сфера действия эффекта, вытекающего из действительности предикативного признака, как падеж с точки зрения интенциональности беспризнаковый.)

Устанавливаются также дистриктивные признаки, закрепленные за предложными падежами, в значениях которых решающую роль играет значение предлогов, которые данные значения простых падежей модифицируют. Автор дает описание употребления предложных падежей в позиции максимальной и минимальной дифференциации и особенно исследует комбинационные свойства предложных падежей с простыми и предложными падежами. В книге прослежено, как проявляются у предложных падежей дистриктивные признаки активного или неактивного участия в действительности предикативного признака, интенциональной связи с предикативным признаком, сферы действия эффекта, вытекающего из действительности предикативного признака, и неполноты контакта с предикативным признаком. Отличается, каким способом модифицируются эти признаки простых падежей в связи с предложными падежами.

В последней главе речь идет о семантических функциях актантов структуры ситуации и их отношении к семантической структуре ситуации. Здесь автор различает синтаксические функции актантов, о которых говорилось уже в предыдущих главах,

и функции, которые выполняют актанты в качестве денотатов в объективной действительности. Устанавливаются дистриктивные признаки актантов в семантической структуре предложения, характеризующие актант как 1. исходный пункт направленности предикативного признака, 2. конечный пункт направленности предикативного признака и т. п. В рамках „главных“ признаков выделяются признаки частные, напр.: в рамках первого признака различаются деятель (активный и неактивный, прямой и косвенный) и носитель признака (прямой и косвенный) и так далее. Все это наглядно показывают таблички и схемы, которые графически изображают трактовку данного дистриктивного признака.

Работа Гелены Беличовой включает обширный иллюстративный материал, который, хотя и в очень сжатом виде, подкрепляет авторские выводы. Конечно, при такой максимальной сгущенности материала не могли быть отмечены все семантические нюансы конструкций с простыми и предложными падежами. Работа содержит богатую библиографию, русское резюме, но, к сожалению, чувствуется недостаток предметного указателя.

Монография доц. Беличовой является логическим продолжением и углублением предыдущих научных изысканий автора. Работа написана на высоком теоретическом уровне, отличается богатым ссылочным и библиографическим материалом, который поможет ориентироваться во многих вопросах современной грамматики.

Милена Становска

Блажо Блажев: Употребление конструкций направления и места в современном русском языке. Народна просвета, София 1975, 335 стр.

В лингвистической литературе до сих пор сравнительно редко появляются публикации, посвященные вопросам отношения пропозиции и локализации действия. Одним из лингвистов, систематически исследующих названную проблематику, является болгарский русист Б. Блажев. После нескольких статей, опубликованных в журналах, вышла в свет монография, представляющая собой итог его исследований. Автор в ней анализирует употребление конструкций, включающих обычно предложный/творительный падеж в значении места, или, с другой стороны, винительный падеж в значении направления, или же, наконец, наречия с соответствующим значением.

Интересен тот факт, что эта работа возникла не в русской языковой среде. Импульсом для ее возникновения послужила, несомненно, потребность объяснить носителям болгарского языка русские языковые явления, которые чужды болгарам (морфологическая система болгарского языка не располагает формальными средствами, соответствующими названной падежной оппозиции в русском языке). Заметим, что представленная в монографии проблематика не менее интересна и для чехов, так как в чешском и русском языках имеются практически одинаковые формальные средства для выражения локализации действия, однако в обоих языках наблюдаются существенные различия в их дистрибуции. В то время как в чешском языке после глаголов направленного действия почти всегда стоит конструкция направления, в русском здесь часто возможны разные предложно-падежные варианты с предложным или творительным пад., напр.: *Vešla do sálu a sedla si do třetí fady. — Она вошла в зал и села в третьем ряду.*

При обработке материала автор применил весьма трудоемкий прием лингвистического эксперимента. Он не ограничился лишь анализом выписанного материала, но привлек и достаточное количество информантов — лингвистически подготовленных лиц, преподавателей и студентов русского языка в советских вузах, т. е. он использовал метод анкетирования. Таким путем он проверил около 4.000 языковых единиц, в составе которых находилась конструкция места/направления, причем каждая обсуждалась, как правило, десятью лицами. Этот прием должен, по нашему мнению, гарантировать объективность полученных результатов.

Во вводной части работы объясняются приемы исследования. Следующая глава посвящается анализу основных понятий семантического анализа, связанных с предметом исследования. В третьей, довольно обширной части, рассматриваются теоретические вопросы употребления конструкций места и направления в современном рус-